

pen ПОН МОСКВА
INTERNATIONAL moscow pen center • russia

ПЭН-Москва ПЭН-Москва

Свободные чтения.
Составитель Лев Оборин

«Издательские решения»

ПЭН-Москва П.

Свободные чтения. Составитель Лев Оборин / П. ПЭН-Москва —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507055-5

Этот сборник издан при содействии Ассоциаций «Свободное слово» (АСС) и «ПЭН-Москва». В 2017 году АСС объединила литераторов, журналистов, переводчиков, редакторов и издателей, вышедших из Русского ПЕН-центра, а в 2018 году из неё выросла ассоциация «ПЭН-Москва», принятая в ряды Международного ПЕН-клуба. С 2017 года АСС и «ПЭН-Москва» провели ряд поэтических чтений, в том числе в рамках ежегодного Фестиваля Свободы в Сахаровском центре. Вы держите в руках свидетельство этих выступлений. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-507055-5

© ПЭН-Москва П.
© Издательские решения

Содержание

Болящий дух врачует песнопенье	7
Слово издателей	9
Михаил Айзенберг	10
Два голоса	10
«Сажа бела, сколько б ни очерняли...»	12
«Двор сверкает антрацитом...»	13
«Нравится нет это не мой выбор...»	14
Далее везде	15
«Не распознать, как первый шум дождя...»	16
Максим Амелин	17
Хлебников через 100 лет	17
Опыт о памяти	18
«Я спал в самолёте «Пекин – Москва...»	19
Опыт о патриотизме	20
«Я понял, почему Царь-пушка не стреляла...»	21
Возле императорского трона в Зале Безмятежности Летнего дворца Ихэюань	22
Полина Барскова	24
Амхерст	24
Сорокалетние	25
Марина Бородинская	27
«Одного лишь выпуска лица ...»	27
«Здравствуй, дедушка Эзоп!..»	28
«Сограждане!..»	29
«Страна всё лето смотрит сериал...»	30
ПЕСЕНКА СУДЕЙСКАЯ	31
«По дороге съедали ручку от калача...»	32
Ольга Варшавер	33
«Перемыть посуду вручную...»	33
«А если б возродили голубятни...»	34
Чтения у Мандельштама. 18 мая 2012	35
Крым-2014	36
На освобождение...	37
Соловки – СЛОН	38
«Когда лет двадцать назад я меняла квартиру...»	39
Дмитрий Веденяпин	40
«Вокруг стоят громады...»	40
«Вера тут не в то да сё...»	41
«Он укатил, и дождь погас...»	42
«Все парусиновое: ветер, пиджаки...»	43
«Счастья было много-много...»	44
Люди в отпуске	45
Алина Витухновская	46
Здесь северный ветер	46
Умри, лиса, умри	48
Катынь	49

Родина как привычка к небытию (отрывок)	50
Ты завидуешь герою	52
Татьяна Вольтская	54
«А просто мы друг друга не любили ...»	54
«Вот он, спаситель страны, которой не до спасенья...»	55
«Как я люблю вас, современники...»	56
«Мы будем счастливы назло...»	57
«Как дивное дитя, чьи ножки в серебре...»	58
«Вот он плывет над нами – призрак, Бессмертный полк...»	59
«Привет, собрат двоякослышащий...»	60
Мария Галина	61
«подбрось повыше...»	61
«У нее болит голова живот...»	64
Из цикла «Мёртвый город»	65
« Здесь нет вокзала, сказал старик...»	66
Сергей Гандлевский	67
« Ни сика, ни бурá, ни сочинская пуля ...»	67
« Когда я был молод, заносчив, смешлив...»	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Свободные чтения

Составитель Лев Оборин

ПЭН-Москва

Редактор Д. С. Бусурин

Редактор В. А. Варцаба

Дизайнер обложки В. А. Кокоулин

Корректор А. Ю. Лазарева

Редактор Е. Ю. Сапожникова

Благодарности:

А. Н. Архангельский

А. А. Новикова

© ПЭН-Москва, 2019

© В. А. Кокоулин, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-7055-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Болящий дух врачует песнопенье

«С годами я все отчетливее воспринимаю поэзию не как сложение персоналий, а как единый организм со своей дыхательной системой», – написал чуткий и мудрый поэт в своей недавно вышедшей книге о современной поэзии¹.

Наш сборник и есть такой организм – единый, сложный, многосоставный, в суставах своих столь различный, что поверить в его целокупность у читателя получится скорее всего не сразу. Иногда дыхание будет сбиваться. А дыхание книги от страницы к странице становится все глубже, все полней. Потому что «Свободные чтения» – они всегда полной грудью и только о сокровенном.

Собранные под этой обложкой стихи и иные короткие тексты были прочитаны их авторами на поэтических вечерах в 2017—2019 годах. И каждый из вечеров, пишу как соучастник и очевидец, оказался настоящим событием – и литературным, и общественным: в одном случае это был вечер солидарности с Оюбом Титиевым и Олегом Сенцовым, в другом – чтения в поддержку сайта «Журнального зала». Непременно звучали стихи и на наших вечерах солидарности с историком, руководителем Карельского «Мемориала» Юрием Дмитриевым.

Но обо всем по порядку.

Весной 2017 года на свет появилась Ассоциация «Свободное слово» (АСС), объединившая литераторов, журналистов, переводчиков, редакторов и издателей, вышедших из Русского ПЕН-центра. Ассоциация заявила о своем существовании несколькими правозащитными обращениями и небольшим манифестом. В нем в частности говорилось: *«Мы считаем свободу слова одной из важнейших гражданских свобод, а право на творческое самовыражение – одним из базовых прав человека в современном мире. Мы видим и понимаем, что эта свобода и это право в сегодняшней России находятся под постоянной угрозой и ожесточенным давлением со стороны органов государственной власти всех уровней, а также со стороны политических и общественных групп, исповедующих идеи авторитарного насилия над личностью. Поэтому мы убеждены, что свобода слова и право на творчество требуют активной, систематически организованной защиты»*.

По счастливому совпадению той же весной Сахаровский центр предложил АСС организовать поэтические чтения в рамках ежегодного майского Фестиваля Свободы, приуроченного ко дню рождения Сахарова. И уже почти по невероятному совпадению гостями и участниками чтений стали оказавшиеся в эти дни в Москве руководители Международного ПЕН-клуба, в том числе Карлес Торнер, его исполнительный директор, и Кэтлин Калдмаа, международный секретарь. Их тексты вы тоже найдете в сборнике.

Но логотип PEN International стоит на обложке не только поэтому. В 2018 году Ассоциация «Свободное слово» проросла, а отчасти переросла в ассоциацию «ПЭН-Москва», принятую в ряды Международного ПЕН-клуба. Расшифровка нашей аббревиатуры традиционна: П – поэты, Э – эссеисты, Н – новеллисты. Впрочем, международное ПЕН-движение расширяет не только свои условно-географические границы (сегодня PEN International – это 148 национальных и региональных ПЕН-центров в более чем ста странах), но и профессиональный состав. Теперь, зайдя на сайт Международного ПЕН-клуба, можно узнать, что PEN – это Poets, Playwrights, Editors, Essayists, Novelists².

И все-таки поэты – первые среди равных. Литература началась со звучащего поэтического слова. И сегодня его звучание, как и тысячи лет назад, возвышает, освобождает, просвет-

¹ Михаил Айзенберг «Урон и возмещение», М.: Литфакт, 2018

² Our name was conceived as an acronym: «Poets, Essayists, Novelists» (later broadened to «Poets, Playwrights, Editors, Essayists, Novelists») <https://www.pen-international.org/who-we-are/history>

ляет и примиряет, дает силы жить дальше. И рассказывает нам о самих себе – то, что знают о нас только поэты.

Мы уверены, что традиция наших поэтических вечеров и прежде всего майских «Свободных чтений» в Сахаровском центре продолжится. И спустя три года мы подведем их итоги еще одним сборником.

*Марина Вишневецкая,
писатель, соучредитель ассоциации «ПЭН-Москва»*

Слово издателей

Что объединяет Герберта Уэллса, Маргарет Этвуд, Льва Рубинштейна и многих других писателей и поэтов настоящего и прошлого? Стремление отстаивать то, что принадлежит нам по праву, – свободу слова. А кроме того, причастность к международному движению с вековой историей, защищающему права на свободу высказывания и творческого самовыражения – усилиями многочисленных региональных центров по всему миру.

История PEN International началась в 1921 году. Спустя почти сто лет можно смело сказать, что принципы этой организации продолжают быть актуальными в условиях нарастающей политической цензуры и ужесточающейся языковой политики. Авторы, в том числе вошедшие в эту книгу, также готовы всеми силами отстаивать свободное творчество и поддерживать тех, кто не побоялся высказать своё мнение и от этого пострадал.

Мы надеемся, что этот сборник станет для читателей отправной точкой для знакомства с историей и деятельностью PEN International и ассоциации «ПЭН-Москва» – одной из немногих организаций в нашей стране, защищающей право на творческое самовыражение писателей, поэтов, переводчиков и всех, для кого слово – фундамент профессиональной деятельности. Чтобы создать у читателей полное представление о том, какое значение имеют эти организации и какими идеалами они руководствуются, мы, студенты Факультета коммуникаций, медиа и дизайна Высшей школы экономики, решили подготовить мультимедийное онлайн-расширение книги – интерактивную аудиовизуальную историю международного ПЕН-движения. Оно поможет составить представление о том, как литературное сообщество помогает политзаключённым. Узнать об этом вы можете, отсканировав QR-код ниже.

Вклад в правозащиту вы уже внесли, приобретя сборник. Мы будем рады, если вы расскажете о нём своим друзьям и коллегам, равнодушным к проблеме цензуры и свободы слова. Все средства, полученные от его продажи, пойдут на правозащитную деятельность ассоциации «ПЭН-Москва».

Для перехода на
мультимедийную платформу
отсканируйте QR-код

Михаил Айзенберг

Два голоса

– Что у тебя с лицом?
Нет на тебе лица,
выглядишь беглецом.

– Топкая здесь земля.
Тонок ее настил.
Долог ее отлив.
Быть не хватает сил,
жабрами шевеля.

– Вот объявился тать,
командир этих мест.
Что ни увидит, съест.
Нечего ему дать.

Всех коров извели.
Зверя сдали на вес.
Множатся стригали,
но никаких овец.

– Да, но еще вдали
множатся голоса
выброшенных с земли,
стертых с ее лица.

В камни обращены.
Гонит воздушный ключ
запахи нищеты.
Камень еще горяч.

– Время-то на износ.
Времени-то в обрез.
Что бы ни началось,
некогда ставить крест.

Выбери шаг держать,
голову не клонить,
жаловаться не смей.

Выбери жизнь, не смерть.

Жизнь, и еще не вся.

Жаловаться нельзя.

«Сажа бела, сколько б ни очерняли...»

Сажа бела, сколько б ни очерняли.
Чей-то червивый голос нудит: «Исчезни!
Если земля, то заодно с червями».
Есть что ему ответить, да много чести.

Эта земля, впитавшая столько молний,
долго на нас глядела, не нагляделась —
не разглядела: что за народ неполный,
вроде живое, а с виду окаменелость.

Так и бывает, свет не проходит в щели;
есть кто живой, доподлинно неизвестно.
И по ступеням вниз на огонь в пещере
тихо идет за нами *хранитель места*.

То-то родные ветры свистят как сабли,
небо снижается, воздух наполнен слухом,
чтобы певцы и ратники не ослабли,
чтобы ночные стражи не пали духом.

«Двор сверкает антрацитом...»

Двор сверкает антрацитом.
От границы до межи
темный блеск его просыпан.
В землю воткнуты ножи.

Скачут кони из орешин.
На земле блестит слюда.
Мы еще земли нарежем,
раз никем не занята.

Из-под пятницы суббота.
Позади попятный двор.
За полгода два привода.
Кто не спрятался, не вор.

Не один в потешных войнах
изменился на глазах.
Кто ты? Часом не разбойник?
Или родом не казак?

Ножевой бросок небрежный,
нитка тонкая слюны
не такой уже потешной
дожидаются войны.

В темноте таится недруг,
непонятен и жесток,
он стоит ногами в недрах
и рогами на восток.

Или детство видит скверно,
цепко в памяти держа
что-то острое, наверно,
если режет без ножа.

«Нравится нет это не мой выбор...»

Нравится нет это не мой выбор

Кто бы не выплыл если такой выпал
кто бы ушел к водорослям и рыбам
по берегам освобождая место
новому зверю имя его известно

Это под ним это в его лапах
мир где пинают гордых и топчут слабых
В каждой щели слышен его запах

В нашей воде он обмывал копыта
В нашей еде клочья его меха
На волосах споры его вида

Но из живых каждый ему помеха
кто не ушел или яму себе не вырыл

Я ж говорю это не мой выбор

* * *

Если настанет время назвать виновных,
будет ли в общем списке еще и этот
мелкий слугитель ада из нечиновых
выделен полным сроком в стальных браслетах?

Это же он первый из тех, кто издали
из оголтелых толп набирают фронт
и говорят, что голодных накормят выстрелы —
сразу платок накинут на лишний рот.

Это его криками заполошными
из глубины вызванные, из тьмы,
бедную землю, где обитаем мы,
демоны топчут каменными подошвами.

Далее везде

Раз легли под дырокол вот такие вести,
заместитель и нарком обсуждали вместе:
пики или крести (крики или песни),
или в общей яме уложить слоями —
все решать на месте.

Опер пробует перо, отряхает китель.
Санаторное ситро пьет осведомитель.

Кто сморкался, кто курил, много было смеху.
Председатель говорил, что ему не к спеху.

В санаторной конуре шаткие ступени
как ремни при кобуре новые скрипели.

Запечатано письмо платным доброхотом.
На платформе Косино ягода *с походом*.

После станции Панки все леса в коросте.
В лес ходили грибники, собирали грузди.

Но уже выходит срок: дорогие гости
снаряжают воронок ехать от Черусти.

Зелень снова молода.
Проросла грибница.
Но земля уже не та,
с ней не породниться.

И в краю далеком
под Владивостоком
не поставить свечку
за Вторую речку.

«Не распознать, как первый шум дождя...»

Не распознать, как первый шум дождя,
брожение, обернутое мраком.
Но вот оно слышнее шаг за шагом,
стирая все и снова выводя.

По вечерам в неполной темноте
или в ночной чернильнице разъятой
такие вилы пишут по воде,
что разберет не каждый соглядатай.

Но видят те, кто видели всегда,
и те, что здесь останутся за старших,
как поднялась восставшая вода
на Чистых, а потом на Патриарших.

Как постоянный ропот волновой
не убывает в праздничных запасах.
И наше небо, небо над Москвой
еще узнает, что оно в алмазах.

Максим Амелин

Хлебников через 100 лет

Свобода уходит нагая,
такая же, как и пришла,
хромая, изнемогая,
обобранная догола,
а мы... остаёмся обломки
сухих пустоцветов собирать,
приветливых предков потомки,
земли безмолвная рать.

Опыт о памяти

Три года тому на обратном
из Рудни в Смоленск,
узнав, что оно
здесь именно и находится,
всего в двух шагах от дороги,
в сосновом бору,
проехать не смог
я мимо страшного кладбища.

Наверно, на выборе места
сказалось, что лес
погибельный близ
железнодорожной станции
с названием «Кáтынь» зловещим:
удобный подъезд
к распахнутым рвам,
невидимым за деревьями.

Развилка. Сквозные ворота
на три стороны:
направо пойдёшь —
поляки, налево – русские,
а прямо – черта межевая.
Сначала – чужих,
потом, перейдя
рубеж, и своих проведу.

У них все посчитаны точно:
на скорби стенах
являет металл
фамилии, даты, звания;
у нас – безымянные тыщи,
о коих гласят
огромнейший крест
и надпись: «Могила братская».

Кого поминать? – непонятно,
молиться о ком? —
неведомо, – все
слились в безликое множество,
как будто бы память о каждом
расстрелянном тут
живым не нужна,
а мёртвых лишили голоса.

«Я спал в самолёте «Пекин – Москва...»

Я спал в самолёте «Пекин – Москва»;
проснулся, глянул в окно,
а там, внизу, – пустая Сибирь,
и только волчьи глаза
сквозь дымку вышек огнём нефтяных,
поблёскивая, горят.

Одной извивающейся змее
другая вцепилась в бок:
вдоль каждой в разбросах полуколец
заметны следы борьбы, —
я знаю, там Иппокреной Иртыш
не ставший впадает в Обь.

И сон как будто рукой сняло,
мне виделись наяву
железных и клацающих клыков
желтеющие ряды,
сочащийся медленно липкий яд
с раздвоенных языков.

Опыт о патриотизме

Князь

Пётр Андреевич Вяземский,
наполовину ирландец,
первый президент
Русского исторического общества,
чиновник, придворный, орденосец,
добрую треть
долгой жизни своей проездивший
по заграницам,
раздраженно брюзжать
возвращался в отчизну время от времени
о народе русском и Боге.

Граф

Толстой Алексей Константинович,
русак чистокровный,
наперсник и друг
детства будущего Царя-освободителя
и сиделец на коленях у Гёте,
редкой силы мужик
разгибавший подковы, и равнодушный к почестям
в наследных имениях охотник,
в стихах искажал
историю государства российского,
надо всем святым насмехаясь.

О,

какие б им теперь обвинения
предъявили мнимые патриоты,
уличив, например,
в презрении ко всему, чем отечество
справедливо гордится,
в оскорблении чувств
верующих чересчур тщательно,
трепетно и щепетильно, —
но, увы, глупцам понять не дано,
ко врагам своим способным только на ненависть,
как они любили Россию!

«Я понял, почему Царь-пушка не стреляла...»

Я понял, почему Царь-пушка не стреляла,
Царь-колокол не бил:
один – без языка, другая – без запала, —
с тем укрощён их пыл,

чтоб на Москве вовек ни по нужде, ни в шутку,
как то случалось встарь,
не вздумал никакой устроить ей побудку
звонарь или пушкарь.

Как *белы голуби* они, от лишних удов,
с печатью на челе,
освобождённые, обстав незримый Чудов,
безмолвствуют в Кремле.

Возле императорского трона в Зале Безмятежности Летнего дворца Ихэюань

Мальчика лет шести
служительниц умелые руки
обряжают бережно и старательно:

шёлковые на ножки штанцы
натягивают золотистого цвета
и рубашечку на тельце такую же

с вышитым спереди в облаках
приплясывающим драконищем, а сверху
распашной напяливают плащичек,

мехом отороченный по краям
рукавчиков колокольчатых, покрывают
головёнку приплюснутой шапочкой, —

так! – и усаживают на трон,
обитый бархатом желтоватым, —
и улыбка растягивается на личике

вширь до самых ушей,
лукаво усмежаются глазки,
но веселье чересчур безмятежное

вскоре заканчивается: взор,
мутнея, стеклянным и оловянным
наливается, суровеют насупленно

брови, ещё чуть-чуть —
и гневом запунцовеют щёки,
отдавать приказания захочется,

войско посылать на врага,
казнить и миловать беззаконно,
подавлять жестоко восстания,

чуждых уничтожение книг
приветствовать, слух настроив
на хвалы угодливых подданных, —

трёх не прошло минут,
как с трона стаскивают властелина
упирающегося, – подходит очередь

следующего за ним, – а ему
на память останется лишь десяток
фотографий отменнейшего качества.

Полина Барскова

Амхерст

Пионы пали, но зато воссталa роза
Своим кровавым язычком дразнить-лелеять.
Царит в беспамятстве своём и возле ложа,
Ошеломлённые, снуют мальчишки, челядь.

Присманова и Довид Кнут,
Иваск и Штейгер,
Совсем пропал ваш нежный труд,
Там, где был север

От вас и северо-восток,
Там пусто взгляду,
Там газ из кухоньки подтёк
И щёпоть яду
Вращается в пустой воде
Крещенским вихрем.
Где север вреден – там нигде.
За это ль выпьем?

Один глоток, и воздух весь
Уже откачан
Из лёгких. За борьбу? За спесь?
За то, что нечем
Писать в нарядной, жирной мгле —
Как бы в землице.

Как вы, мы тоже не смогли.
За сплетни, лица?
Повадки, жалкие слова?
Могилки, маски?
Червинская: живажива?
Мёртвмёртв Поплавский?

Сорокалетние

Дмитрию Кузьмину

Мы, – растлившие ткань языка,
Тем продолжили чёрное дело,
Что зачали, допустим, зэка
И блатные, затем лейтенанты,
Принцы плена, штрафные войска,
Колоски, в украинских просторах,
Зускин, видевший сны наяву.
Мы последнее ры тех, которых
Обучали языцем во рву.

Возникает вопрос типа кто мы.
Благодетство изжившие Тёмы
В «Зорьке», «Ласточке» и «Плавунце»,
Пионэры, впитавшие томы,
Осквернившие миф об отце.
Кто отец наш, неведомо. Дед же
Возвратился в апреле в надежде
45-го, в мае опять
В Будапешт побежал воевать.
Бабка гордая в мужней одежде
Нам осталась одна танцевать.

Кто отец наш, неведомо, ибо
Глухонем, как нечистая рыба,
Что аквариум мутит собой,
Всё ж сумел изолгаться, голуба,
Шарик, блядь, у него голубой.

Это чванное косноязычье
Мы, развив, разложили: тут птичье,
Тут звериное, крик сторожей,
Вопль червя в тёмной пыточной ямке,
Гул придурка в зелёной панамке
Да стерильное ёрзанье вшей.

Что во рту у тебя, ненаглядный?
Прихоть ласки в вонючей парадной?
Грохот вывесок? Клёкот Невы?
Odnoklassnik'ов.ги многосмерть?
Зимний путь в абортарий на третьё?
«Мне казалось, мы с Вами на Вы».

Вот из этой мерцающей дряни

Мы теперь по мерцающей рани
Вышли, полные счастьем стыда.
Наша цель в нецелении звука.
Говорим, что разлука разлука
Никогда говорим никогда.

Марина Бородицкая

«Одного лишь выпуска лица ...»

Одного лишь выпуска лица —
девятнадцатого октября,
одного пернатого еврея,
каркнувшего правду про царя,

шелеста одной Тарусской роши,
с ветром залетевшего в местком,
горстки дурней, вышедших на площадь
с детской коляской и листком,

пары книжек толстого журнала —
сизых, цвета лунного луча, —
хватит, чтоб до срока не сгорала
вольности заветная свеча.

Чтоб она, дрожа, в ночи алела,
дерзким жалом уязвляя тьму —
пусть опять не выгорело дело,
пусть опять, опять конец всему,

пусть придут и книжной гильотиной
тонкие страницы искрошат,
и пропишут курс аминазина,
и в Лицее – порку разрешат.

«Здравствуй, дедушка Эзоп!..»

Здравствуй, дедушка Эзоп!
Думаешь, забыли?
Кол осиновый в твой гроб,
Думаешь, забили?

С возвращением, старик,
Твой топчан свободен.
Ну-ка, высунь язык!
Одевайся. Годен.

Здравствуй, дедушка Эзоп,
Здравствуй, раб лукавый!
Вновь растёт твой хитрый стёб
На дрожжах державы.

Зряшный шум прошёл в лесу,
Будто ты не нужен.
Доскажи нам про лису.
Задержись на ужин.

«Сограждане!..»

Сограждане!
Затверживайте стихи наизусть,
загружайте головы Диккенсом
и Вальтер-Скоттом!
Три аккорда и песенка
про испанскую грусть
обернутся спасительным хлебом,
а то и компотом.

Истинно говорю вам,
ибо хочу помочь:
перечитывайте Майн-Рида,
чтоб избежать расправы.
Сколько бы ни тянулась
тысяча первая ночь,
не обезглавят знающего
последние главы.

Пересказывайте прочитанное,
упражняйте память и речь,
подзубрите Овидия —
он так уместен на зоне!
И соседи по камере
будут вас любить и беречь,
и возьмут под своё покровительство
воры в законе.

«Страна всё лето смотрит сериал...»

Страна всё лето смотрит сериал
про жизнь в гареме. Роскошь и коварство.
Страна изнемогает от желанья
отдаться повелителю. Она
глядит на дверь: нейдёт ли добрый евнух
с шелками, шоколадом и шербетом?
Вот верный знак, что будет ночь любви,
а уж стонать протяжно мы умеем...
В гарем, в гарем! и больше никогда
не думать, как добыть еды для деток.

Жара. Июнь. Четырнадцатый год.
Тела убитых сложены в сарае.

ПЕСЕНКА СУДЕЙСКАЯ

Сказала тётенька судья
по кличке Ваша честь:
– Зачем комедию ломать,
с ходатайствами лезть?

Всё решено давным-давно —
уж так заведено.
Вам что, порукой наша честь?
Ну, это не смешно!

И вы решали как-то раз,
казнить или простить.
Спросили, помните, у вас:
– Кого вам отпустить?

Сказали вам, что выбор есть —
и вами выбран вор...
Пойду, – сказала ваша честь, —
отксерю приговор.

«По дороге съедали ручку от калача...»

По дороге съедали ручку от калача
или бок калорийной булки с изюмной мушкой.
В магазине любимом на площади палача
примеряли сапожки, выпрашивали игрушку.

«Виноградной косточки» списывали слова,
пили сок венгерский в чекушках под звон капели.
Если нам казалось, что Родина не права,
мы качали права – как маленьких в колыбели.

Мы спешили дышать синевою иных начал
и бессонные окна распахивали ночами.
Кто-то пел, а кто-то молчал и ногой качал,
но замкнулся круг на старом своём начале.

Жаль, игрушку выпросить не у кого, хоть плачь,
виноградные косточки выметены норд-остом,
и улыбчивый за плечами встаёт палач —
только бороду сбрил и сделался меньше ростом.

Ольга Варшавер

«Перемыть посуду вручную...»

Перемыть посуду вручную,
как машина – нет! – не сумеет.
Ворожу я или врачую?
Стану ль чище? Умней? Сильнее?

Перемыть все мысли вручную,
протрясти в душе и на полках.
Сорняки не пою. Корчую.
И сметаю с крыльца осколки.

Город тоже – сменил тротуары...
Лица стёр... Заглушил пересуды...
Я не стану писать мемуары,
я помою лучше посуду.

«А если б возродили голубятни...»

А если б возродили голубятни,
всего лишь дюжину, то небо над Москвой
вдруг стало бы, как раньше, необъятным,
а Сити – маленьким. Игрушкой за рекой.

Нет, я серьезно! Эй, градоначальник!
Пока нас черный морок не накрыл,
запустим птиц. Пусть бьются в окна спален,
пусть гулят и роняют перья с крыл.

В «секретик», под стекло, девчонки махом
уложат этих перьев ровный ряд.
Король двора сорвет с плеча рубаху —
и белоснежный ринется отряд

до неба и за небо, прямо в детство...
Хоть что-то же осталось нам в наследство?

Чтения у Мандельштама. 18 мая 2012

День отфильтрован иль по капле сцежен,
а Мандельштам – щегол, а не пророк,
хоть знает больше всех. Он мудр и нежен,
и детям – нам – ни слова поперек.

Вот мы, вдруг повзрослевшие подростки,
Трезвы и веселы, выходим чередой...
Ждет автозак внизу на перекрестке —
Троянский конь, беременный бедой.

Крым-2014

Пусть будет Крым.
Летучий остров Крым.
Свободный, гордый,
Как В. П. Аксёнов.
И пусть взлетит,
Не то перемудрим —
Растащим на делянки,
На кантоны...

Пусть будет КРiМ.
Плавучий постамент,
Край Разума и Мира —
По Жюль Верну.
Он взрежет воды
Мысом Фиолент
И просто уплывёт
От всякой скверны.

На освобождение...

Страна внезапно вышла из тюрьмы.
Не вся страна – мои друзья, френд-лента.
У придорожной маленькой корчмы
Мы соберемся, горстка инсургентов,
и сдвинем кружки – и вперед, во тьму,
всем лбом ее, всем телом раздвигая
Без всяких там зачем и почему.
Тюрьма внутри. Ее преодолеваем.

Соловки – СЛОН

Упразднен раздел ГУЛАГа,
а иконы в ряд:
жертвы, агнцы, страстотерпцы —
штабелем лежат
по-над мерзлую землю —
не всадить кайло.
Помнишь прежнюю картинку —
храм без куполов?
Немузейная отвага,
нам теперь нужна:
полстраны – раздел ГУЛАГА,
а страна одна.
СЛОН – кто помнит, что за птица?
Правды нет в кивках.
Упразднен раздел ГУЛАГа.
Где? На Соловках.

«Когда лет двадцать назад я меняла квартиру...»

Когда лет двадцать назад я меняла квартиру,
думала, что переезжаю к Булату —
вот тут он ходил, выселенный с Арбата...
Потом считала, что живу возле Склифа.
Хлебнула всякого лиха,
Так и говорила таксистам: «Везите в Склиф —
ничего, что ночной тариф».
Потом кодовым словом
стали Астраханские бани —
Булатова «напротив-сауна-
где-не-та-фауна».
Бани таксистам понятны – это про них.
Но за последний год втерся ползучий гад —
новый ориентир вторгся и ждет заботы...
Оказалось, что я живу прямо возле суда —
Мещанского и Басманного.
И почему-то хожу то туда, то сюда —
как на работу.
Ну, кто со мной 21-го февраля?

Дмитрий Веденяпин

«Вокруг стоят громады...»

Вокруг стоят громады
Домов – живи, трудись.
А жители не рады —
Бредут понурившись.

В весенней светлой мути
Район что твой гауп,
Но «Путин», «Путин», «Путин»
Летит со всех сторон.

Так кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остался призывок чуда,
А Германа все нет?

«Вера тут не в то да сё...»

Вера тут не в то да сё,
А конкретно в то, что это
Наше, в смысле, наше всё,
И надежды больше нету.

Перспектива не ясна.
Но когда беспечной птичкой
Расщебечется весна,
Я надеюсь по привычке.

Зарокочут соловьи,
Встанет ночь в дверном проеме.
Никого не будет в доме,
Кроме правды и любви.

«Он укатил, и дождь погас...»

Он укатил, и дождь погас,
Остались только бесцветный гул
И темнота, в которой, как во всех прекрасных
Стихах, мерцали время, зеркало и стул.

Не будем важничать – мы тоже
Еще пока
Окружены похожими предметами,
Белеющими ночью, как река.

Не будем унывать – мы тоже,
Как те и тот,
Наматываем шарф, выходим из подъезда
И раскрываем зонт.

В конце концов, лет через двести-триста,
Как обещал Антон,
Жизнь изумительная, новая, прекрасная
Обступит всех живых со всех сторон.

«Все парусиновое: ветер, пиджаки...»

Все парусиновое: ветер, пиджаки,
Фанерные перегородки, отраженье
Плакучей ивы в зеркале реки,
Надежды и сомненья.

Усталый счетовод бросает долгий взгляд
На пляж, где слишком жарко, слишком грязно.
Как можно отдыхать под этот гвалт?
Как это может нравиться?.. Неясно.

А впрочем, кто я, чтоб судить других,
Суди себя, другие неподсудны,
Подумал он, и пляжный гам утих,
И зной ушел... Но думать очень трудно.

«Счастья было много-много...»

Счастья было много-много,
А теперь тю-тю.
Тварь дрожащая тревога
Делает кутю.

Рис, изюм, немного мёда,
Можно чернослив.
Равнодушная природа
Смотрится в залив.

Слышен чаек крик сердитый,
Комариный смех.
Где защита? Нет защиты.
Удалили всех.

Удалили, поселили
Непонятно где.
Серебристый призрак пыли
Ходит по воде.

Люди в отпуске

Мнемозина взмахнет покрывалом,
Ничего не имея в виду,
А тебе уж великое в малом
Замаячит на тихом ходу.

В этом акалептическом мире
Даже вера и та не к лицу.
Тут не Нилус, а просто четыре
Человека в сосновом лесу

В дачной вечно-зеленой свободе,
С пляжным плохо надутым мячом
Вот гуляют, журча о погоде
Или, можно сказать, ни о чем.

Эта встреча не тянет на чудо
И вообще ни на что, а тогда
Почему ж ты застыл, как Гертруда
Со зрачками известно куда?

Скоро небо совется, как свиток,
Горы дрогнут и тронутся с мест,
Звезды рухнут на землю, а ты тут
Про какие-то дачу и лес.

Алина Витухновская

Здесь северный ветер

Здесь северный ветер
Глокает дыряво
Утробный январь,
Пылесосный Кашей.
Нордической дичи
Тотальное право
Отменится тварью
Неясных кровей.

Природа вещей
Позолоченным счастьем,
Трусливым мещанством
Преодолена.
Кошмарный Кашей
Жаждет душную ясность
В хаосе бесстрастном.
И ясность дана!

И тля человечья
Нуление смысла
Уже изловчилась
Червячно извлечь
Из вечности, где
В паутине повисла
Свастично-распятая
Русская речь.

Чужим языком
С азиатским прищуром
Разносит Предатель
Площадную ложь.
И спит пьяным сном
В пасти русского сюра
В дурной благодати
Безумный Гаврош.

Растленный народец —
Плененные орды
Гнильцы раболепной
Да тли хохломской.
Сосет леденец
На коленях уroda

Блаженный младенец,
Зачатый тобой.

Он в потную гниль
Выдыхает брожение,
Густой аромат
Неформатной тщеты.
И мертвых ваниль.
И тревожное тление.
И Родина – ад.
И виновен лишь ты.

Умри, лиса, умри

Промолчу как безъязыкий зверь.
Чтоб узнать, что у меня внутри,
Разложи меня как тряпочку в траве,
И скажи: «умри, лиса, умри».

Покатились по лесу глаза,
Чтоб на себя не посмотреть.
Ты сказал: «умри, лиса, умри».
Это значит – нужно умереть.

Промолчу как рыба и мертвец,
Чтоб тебе спокойно говорить.
Разложив меня как тряпочку в траве:
«МРИЛИСАУМРИЛИСАУМРИ».

Ржавым будущим по мне прошлась коса.
Полумесяц вынул острый нож.
Все сказали мне: «УМРИ, ЛИСА, УМРИ, ЛИСА».
Все убьют меня, и ты меня убьёшь.

Я уже не слышу голоса.
Если хочешь, всё же повтори:
«РИЛИСАУМРИЛИСАУМРИЛИСА
САУМРИЛИСАУМРИЛИСАУМРИ»

Не узнаешь своего лица,
Попадая вновь всё в тот же ритм.
Только не УМРИЛИСАУМРИЛИСА,
А УМРИ И САМ УМРИ И САМ И САМ УМРИ.

Посмотри в мои красивые глаза,
Я хочу тебе их подарить.
Помолись: «УМРИЛИСАУМРИЛИСАУМРИЛИСА»
ИЛИ САМ УМРИ И САМ УМРИ И САМ УМРИ.

Я затем даю себя убить,
Чтоб в шубийство кутаясь в мороз,
Ты бы мог рукой пошевелить,
Как когда-то шевелился хвост.

Перед зеркалом ты рыжий, шерстяной,
Словно зверь с чудовищем внутри.
Ты однажды отразишься мной,
Я скажу тебе: «УМРИ, ЛИСА, УМРИ».

Катынь

Россия вышептывала замогильное
Устами пустот кареглазых закатов.
Но накатывала Катынью
Основательно тошнота-то!

И шатунел самолет-мотылик.
Смерть расстелила дорогу-скатерть.
Как говорят, не моем, так катаньем...
Польшу размазывает Катынью.

Шла История на костыликах
В политического нокауте.
Облака плывут над Катынью.
Окровавленные облака-то!

Станет некой константой Канта,
Астр истерикою застынет,
И кровавым пятном на карте —
Ясность кармическая Катыни.

В католическом нафталине
Все они в страшных висят кафтанах.
Кафки-анских авиа-линий
Станет каждый полет летален.

В черных ящиках Левитаном —
Неразборчивое: «Кранты нам!»
Кто-то выкрикнул: «От винта!» Но
Безответной осталось тайной
То падение под Катынью.

Родина как привычка к небытию (отрывок)

Как говорится, твой дом тюрьма,
Но и не твой. И дом не твой.
Что здесь твоё, кроме пережитого?
Ничего.
Опыт эпохи романтизма обесценен.
Твой ли дом,
Если собственность неприкосновенна?
Ровно как и ты прикосновенен,
Вседоступен,
Не защищён?

Только смерть неприкосновенна.
Только небытие – частная собственность
Сиюминутного гражданина.
Я люблю все закрытости
Небытийного «капитализма»,
Похожие на банк,
Сундук, тюрьму, гроб.
Это метафизическая,
Не экзистенциальная вечность,
Безлюдная.

Но если нет гарантий чего-то,
Я возьму гарантии Ничто.

Я молюсь ростовщику
Всемирного банка пустот,
Отмеряющего Ничто.
Я инвалид
Своих смертельных
Валют.
Как миндальный Дали
Я высосу динамит
Безверия.
Озверевший верблюд
Как Берию
Выблёвывает либерал...
Как империю,
Которую не выбирал,
Ибо всё – «грехи»
Хохочущих «холокостов».
Когда б не стихи,
Какой там Васильевский остров!

Это метафора,

От которой дурно.
Как от цитируемого
Гуманистами постмодерна
Адорно.

Мне разорвано дырами,
А вам культурно...

Как Вергилий в безверии говорлив,
Так вербы вербуют рабов, ибо это весна
Обвивает наручниками каждого, кто здесь жив.
Авторитарны леса есенинщины, берёзовые стволы,
Заборы лесов,
Болота томных смертей.

Я люблю эту вышку,

Пулю,

Окно,

Засов.

Ты завидуешь герою

Ты завидуешь Герою,
Морги рыщут впереди.
Что же сделают с тобою?
Ничего уже не жди.

Вроде молод, вроде мальчик.
Время есть, но в нём Ничто.
Твой Писатель, твой обманщик,
Шмель ласкающих пустот.

Повторяешь: «Всё в порядке»
День за днём, за ночью ночь.
Ты лежишь в своей кроватке.
Кто я, чтоб тебе помочь?

Я никто, опасный чёртик,
Твой отвергнутый дружок.
Что б я мог тебе испортить?
Всё исчезло, что бы смог.

Что осталось в жизни, мальчик?
Мама, книжки и вино.
Как же так? Что это значит?
Значит то, что всё равно.

Одеяло. Книжка. Кошка.
Твой писатель, твой герой.
Что же он не смог немножко
Дольше, дальше быть с тобой?

Он уехал за границу,
В санаторий или в ад.
Он уже не возвратится,
Красной армии солдат.

Кандидат в ады, диктатор,
Ленинградский почтальон.
Кто же будет виноватым
В одиночестве твоём?

Ты завидуешь Герою.
Морги рыщут впереди.
Я один хотел с тобою,
Ты ответил мне: «Уйди!»

Я ушёл, я укатился —
Твой послушный, скучный мяч.
Рядом люди или числа.
Тише, Танечка, не плачь.

Татьяна Вольтская

«А просто мы друг друга не любили ...»

А просто мы друг друга не любили —
И умерших своих не хоронили,
И раненых своих не забирали,
Когда бежали в страхе по спирали
(А те, кто закричит – ну, что вы, что вы, —
Да почитайте, милые, Толстого!)
А просто мы себя считали грязью,
И не жалели плачущих ни разу,
И добивали радостно лежачих,
И родину, как загнанную клячу,
Лупили по глазам и тощим ребрам,
Но каждый сам себе казался добрым.
Мы лес свели и отравили воду
И умного загнали – вот он, вот он!
И мальчиков по тюрьмам рассовали,
И все бросались стыдными словами,
Все думали – не кончимся, поди-ка, —
И глядь – земля пуста и ветер дикий,
И дым. И носом шмыгает мальчишка:
Да ладно-ладно, кончились почти что.

«Вот он, спаситель страны, которой не до спасенья...»

Юрию Дмитриеву

Вот он, спаситель страны, которой не до спасенья,
Вот поводырь костей, лежащих в грязи весенней,
Плачущих – назови каждую! – ждущих ласки,
Это ль не danse macabre, русские пляски.
Это ль не житие – тюрьма, клевета, опала:
Нечего различать в шорохе листьев палых
Смутные голоса, контуры тел простертых,
Нечего вызывать канувший остров мертвых.
Вышиты палачи заново на знаменах,
Лучше уж помолчи – нынче не до клейменных,
С рваной ноздрей, дырой круглой в затылке – видишь —
Музыка, пир горой – вот где у них твой Китеж!

Ладно. Горит свеча в мокром лесу над ямой.
Жертвы и палача горячими именами
Воздух пропитан, мох, серые корни, хвоя.
Слово-то – Сандармох – сонное, меховое.
Только б одну сберечь свечку, теряя силы —
Чтоб миллионом свеч вспыхнула вся Россия.
Неба не видно, стен – всё убиенных тени:
Рано еще – с колен.
Надо бы – на колени.

«Как я люблю вас, современники...»

Как я люблю вас, современники,
Чьи косточки еще не ломаны,
Не знающие бед, ремейками
Злодейств – не согнанные толпами

В подвалы. Мальчики и девочки,
Люблю вас, петеньки и катеньки,
Еще не ссыпанные – мелочью
Из волосатых лап – на каторги.

Как я люблю вас, современники,
В тенечке ждущие под соснами,
Когда из вас навяжут веники,
Когда засыплют вас доносами,

Напишут «ВРАГ» большими буквами,
Везя дорогами разбитыми
Туда, где вы, почти не пуганы
И, в сущности, почти не пытаны,

Пред окровавленную стенкою
Погасите улыбки-лучики.
Как я люблю вас, современники,
Мои случайные попутчики!

«Мы будем счастливы назло...»

Мы будем счастливы назло
Звереющему веку,
Мы сквозь морозное стекло
Увидим Марс и Вегу.

Когда же будет отменен
Мирок наш и развеян,
Еще друг другу подмигнем,
Уверена – успеем.

Настанет вторник и среда,
Но только от испуга
Не дай нам, Господи, предать,
Не дай предать друг друга.

Когда во двор нахлынет рать —
Убийцы, отморозки,
Не приведи нам выбирать,
Кого спасать, кого отдать —
Нарезать на полоски,

Которому из двух детей
Сберечь кусок последний.
А воздух от дурных вестей
Густеет – и от бредней,
И в комнате полно гостей —
И башмаков в передней.

Но будь сегодня начеку:
Как знать – перечеркнув строку
Проспекта, взяв налево,
Быть может, тянется к звонку
Уже – как пистолет к виску —
Усталый ангел гнева.

«Как дивное дитя, чьи ножки в серебре...»

Как дивное дитя, чьи ножки в серебре,
Пошатываясь, снег пошел в ночном дворе,
У лестницы топчась, теряясь в трех столбах,
Улыбкою сквозной блуждая на губах
И трогая избы бревенчатый ковчег,
И сумку на крыльце, и магазинный чек.
Бушует мышь в стене, в углах клубится тень,
Коротенький огонь меж обреченных тел
Выхватывает то поленницу, то мост,
То остров на реке, то брошенный погост,
То церковь, как свечу, стоящую в полях,
То пестрый половик на крашенных полах.
Под утро снег устал и выбился из сил,
И купола задул, и губы погасил.

«Вот он плывет над нами – призрак, Бессмертный полк...»

Вот он плывет над нами – призрак, Бессмертный полк,
В гулком «Ура!» – как будто грохот «Катюш» не смолк.
Дедушки черно-белые, глянцевого отцы,
Ветер лижет их лица – на палочках леденцы.
Все мы на запах Победы слетаемся, как на мед,
И мертвецы над нами тихо плывут вперед,
В будущее. Молчали деды – придя с войны.
Внуки пригубят крови дедовой – и пьяны,
Столько ее разлито – рядом ли, вдалеке —
Все мы стоим по шею в теплой ее реке.
Волны ее упруги: здесь, посреди реки,
Все поневоле братья, на берегу – враги.
Завтра пойдут колонной дети – и встретит их —
Черной икрой ОМОНа площадь: не для живых!
Вот сгорят они в танке, примут последний бой —
Мы их наденем на палки и понесем над собой.
Будем любить их нежно, в мутном глазу – слеза,
Будем любить их – павших, ну а живых – нельзя.
Вязкое солнце льется, брызжет багряный шелк.
Главная наша надежда – мертвых засадный полк.

«Привет, брат двоякослышащий...»

Привет, брат двоякослышащий,
Двояковидящий, привет!
И облаков сырые глыбищи,
И многомачтовый корвет

Лесной, и тот, прозябший в оттепель
Цветок – казалось, навсегда,
И поплавок звезды, и все теперь
Нам видится из-подо льда.

И мы, казавшиеся храбрыми
И мудрыми себе – давно
Плывем, подрагивая жабрами
И ртами красными, на дно,

Чтобы глядеть с пустыми лицами
На жизни, прожитые зря,
Пляша с ворами и убийцами
Под дудку мокрого царя,

С надеждой подплывая к проруби,
Ища случайного луча —
И кто размыкал это горе бы,
И кто бы сверху постучал.

Мария Галина

«подбрось повыше...»

подбрось повыше
чтобы я могла увидеть все разу
сыроварни твои маслобойни
богадельни

звезды средневековья
черный зубчатый лес
города и дороги

олени на тонких ножках
вброд переходят реку гудрона
ежи и жабы
с риском для жизни
как нам их жалко

старый красивый
контрабандист на джипе
слушает джаз
подпевает
у него в багажнике
золото всех ацтеков
невольницы и верблюды
его расстреляют
за первым же поворотом

черный копатель
янтаря лежит в карьере
нож у него в груди
нож зажат в кулаке
лужа крови
уходит в серый песок
в темные воды
морей времен плейстоцена

прыщавый дембель
навеки канет
в дебрях вокзала
эта цыганка
сойдет на ближайшей
с ней ничего не будет

почти в зените

стена света
встает на стену мрака
обе прекрасны

то ли
радуга в небе
то ли
в глазу соринка

У каждого города свой запах. Одесса пахнет морем, водорослями, выброшенными на берег, сухими и горячими, но прежде всего Привозом. Гниющими овощами, жижей, хлюпающей под ногами, толстый мальчик стоит в мощеном брусчаткой дворе, его толстая мама, высунувшись из окна, кричит – Моня, кушать. Моня давно уже взрослый, лысый, мама давно в шеоле, в сером сумраке, но до сих пор в окошке, Моня, кричит, Моня, иди домой, паршивец. Моня поправляет галстук, пиджак, одергивает рубашку, медленно поднимается по ступенькам, прижимает руку к левому боку, мама стоит в дверях, говорит, ты хочешь моей смерти...

Львов пахнет мхом, мокрой брусчаткой, в историческом центре канализацией, что поделать, если со времени цисаря ее не касалась рука человека, среди туристов ходят бледные тени, ничего им не понятно, откуда японцы, почему шумят, почему смеются, делают селфи, кстати, что это значит, где Авраам, где Сара, где пани Эльжбета, куда все делись? Почему в нашей квартире чужие люди, и почему они нас не замечают, сплошь рестораны, практически в каждом доме, в каждом подъезде, сколько их вообще человеку надо, мы-то не против, мы тоже любим покушать.

Питер пахнет пресноводным ветром, обволакивающим лицо мокрыми простынями, ячейки света движутся относительно себя, световые сети колеблются на ветру, тени их рвут и топят, мокрый гранит, полупрозрачная девочка машет ручкой, она как все, хотела быть балериной, ладно, художницей, ночью она слышит как кто-то ходит по их квартире, скрипит паркетом, в старом буфете дрожат хрустальные рюмки, бабушка говорит, это ее мама, улыбается, становится фотоснимком в старом альбоме... Свет сжимается в точку, в булавочную головку, мокрый ветер приходит с залива, осень кажется все плотнее, снежная сетка колеблется за окошком, руки почему-то прозрачные и в морщинах.

Москва пахнет нефтью всех труб мира, бензином, гарью, пластиковыми цветами в цветных кадках, метро дышит паром, раз за разом выбрасывает наружу бледных обитателей подземелья, еще говорят, что пахнет гнилой капустой, плоское место в плотном кольце свалок, маленькая река ничего не значит. Он приехал сюда совсем молодым поэтом, пил со всеми, спал почти со всеми, стал знаменитым, ходят слухи, третья жена его совсем молодая, всем заправляет, торгует его славой, он просыпается, подушка рядом пустая, он встает, сует худые синие ноги в холодные шлепанцы, бредет на кухню, готовит себе завтрак, яйцо всмятку капают на колени. Был бы кот, поговорил бы с котом, рассказал бы ему, какие они оба славные парни, как они оба любят, когда их гладят по спинке, но кота почему-то тоже нету.

Лондон пахнет моющим средством, парфюмерной отдушкой, гнилью прилива, сырые доски, мелкие волны, свет стоит вертикально. Женщины в черных пальто, лодыжки тон-

кие, туфли-лодочки, подбородок скошен чуть-чуть, в остальном почти безупречны, Мы здесь чужие, давай останемся, станем тенями под мостами, над нами будут грохотать поезда, приличные люди читают прессу, что-то опять в королевской семье неладно... Нас никто не поймает, ничто не заденет, мы сами тени, среди теней испуганных горожанок, пробирающихся в доках, в сырых кварталах, кто-то идет за ними, темный и страшный, кто-то стоит в тумане, темный и страшный, кто-то молчит напротив, темный и страшный, кто-то идет за ними, кто-то идет за ними...

«У нее болит голова живот...»

У нее болит голова живот
Но она города переходит вброд
Ей нарком луначарский сказал – вперед!
И она идет
И глядит на нее трудовой народ
Коллективный разинув рот
У нее болит голова живот
У нее лягушонок внутри живет
Регулируется декретом ВЦИК
Лунный цикл
У нее болит голова живот
У нее сейчас каждый день как год
Под тапера скачет восставший флот
И старпома бьет
Ах духи москва красноезвездный шик
Во дворе братва примыкает штык
Каждый план велик каждый осип брик
На худой конец мандельштам

Из цикла «Мёртвый город»

Каждый день мы подходим к городу все ближе,
Женщины из окрестных сел приветствуют нас цветами,
Каждую ночь белый огонь на дозорной башне
Виден все ярче.

Он горел там за тысячу лет до того, как
В город вошел последний завоеватель.
Женщины приветствовали его цветами,
Его солдаты относились к ним с исключительным уважением,
Их потомки теперь в числе коренных народов.

Он сошел с ума на второй год правленья.
Выколол глаза дорогому другу,
Сыновьям и внукам отрезал яйца,
Каждое утро требовал свежей крови,
Жил долго, умер своей смертью.

Его преемник, человек достойный и кроткий
На второй год вырезал полстолицы.
С тех самых пор им не везло, беднякам. Их перебежчик
Нам сказал, что ворота уже открыты.
Горожанки подмываются и готовы.

Белый огонь на башне, как посмотришь
На него, на душе становится чище.
Когда мы вступим в их город, мы обязательно спросим
Чем они подкармливают свое пламя.

« **Здесь нет вокзала, сказал старик...»**

Здесь нет вокзала, сказал старик.

Но я точно помню, что был. Я помню вокзальную площадь... торговок семечками. И яблоками. Яблоки продавали ведрами. Желтые такие яблоки с битыми боками. Я полагаю, это падалица. Их никто не брал, но торговки все равно сидели.

Возможно, сказал старик, вам показалось. Ложная память.

Что – и яблоки?

Яблоки – то, что склонно казаться людям в первую очередь.

Но как-то, возразила она, как-то я же сюда попала.

Есть некоторый шанс, что вы жили здесь всегда, сказал старик.

Все равно должен быть вокзал.

В каждом городе должно быть место, откуда можно уехать. Совсем уехать. Иначе этот город никуда не годится. Здесь нет вокзала. Возможно, когда-то был. Очень давно. Когда-то и аэропорт был. Что – спросила она, – отсюда нельзя уехать? Если хотите, я могу перевезти вас на лодке, – предложил старик. Нет, спасибо, – сказала она, – спасибо большое. Не надо. Тогда отойдите отсюда, – сказал старик, – это место хорошо простреливается.

Сергей Гандлевский

« Ни сика, ни бурá, ни сочинская пуля ...»

Ни сика, ни бурá, ни сочинская пуля —
иная, лучшая мне грезилась игра
среди пляжной немочи короткого июля.
Эй, Клязьма, оглянись, поворотись, Пахра!

Исчадь трепетное пекла пубертата
ничком на толпами истоптанной траве
уже навряд ли я, кто здесь лежал когда-то
с либидо и обидой в голове.

Твердил внеклассное, не заданное на дом,
мечтал и поутру, и отходя ко сну
вертеть туда-сюда – то передом, то задом
одну красавицу, красавицу одну.

Вот, думал, вырасту, заделаюсь поэтом —
мерзавцем форменным в цилиндре и плаще,
вздохну о кисло-сладком лете этом,
хлебну того-сего – и вообще.

Потом дрались в кустах, ещё пускали змея,
и реки детские катились на авось.
Но, знать, меж дачных баб, урча, слонялась фея —
ты не поверишь: всё сбылось.

« **Когда я был молод, заносчив, смешлив...»**

Когда я был молод, заносчив, смешлив,
раз, в забвеньи приличий, я не пошёл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.